

Прспект доклада Э.Ю. Соловьева «Философия как критика идеологий»

Вот уже полтора года мы живем в контексте возродившейся холодной войны, которую сопровождает информационное противоборство, снимающее запреты с политической наглости, лживости и ненависти.

Настоящий доклад – плод горестных раздумий над этой ситуацией. Это ни в коем случае не теория идеологий (занятие *социологическое*). Это ориентирующая схема контр-идеологической аналитики, которую *философское просвещение*, если оно еще возможно, должно противопоставить нынешнему массивованному наступлению на разумность.

Докладчик «выносит за скобки» вопрос о том, насколько далеко этому просвещению дозволяется проникать в нынешнее «публичное пространство», а также – в учебные аудитории и учебные пособия. Философия не востребована, и это трудно изменить. Поэтому – будем просто помнить о том, что философия не востребована не впервые и что философское просвещение не впервые в истории осуществляется стоически и даже в режиме «борьбы без надежды на успех».

Докладчик апеллирует прежде всего к коллегам – российским философам, держит перед глазами их «жизненный мир» и в качестве материала для критики избирает прежде всего отечественную идеологическую продукцию, известную «всем и каждому».

1. Информационное противоборство удивительно по своей совокупной динамике. Перед нами – превратная диалектика: борьба противоположностей, которая одновременно является их единством; отчужденное и скрытное сотрудничество антагонистов, занятых «общим делом» ... глобального умопомрачения.

Отсюда – любопытнейший феномен зеркальной идеологической симметрии. На обеих сторонах противоборства царит однотипная речевая жестикация, однотипная софистика и казуистика. Ортодоксы враждующих идеологических верований похожи на людей, которые по тайному сговору то и дело спускают друг на друга духовно родственные компрометирующие тексты.

2. Основная цель однотипных воюющих идеологий – это мобилизация массовых аудиторий, захваченных каждой из них.

Усилие мобилизации имеет два главных выражения: (а) предостережение и (б) воодушевление проектом.

2.1. Интенция предостережения организует современные воюющие идеологии в их поверхностном слое.

2.1.1. Такова работа средств массовой информации, эталонно представленная в агитационно-пропагандистских программах ТВ. Ее умысел – разжигание упреждающего недоверия и вражды; ее главный инструментарий – «создание образа врага», культ бдительности, искусное использование «теории заговоров» и изобретательный компромат, позволяющий идеологически сцеплять нынешних политических лидеров с позорными фигурами прошлой истории.

Типовой дискурс идеологических предостережений – это «коллаж из разрозненных информационных вспышек», это уверенные голословные утверждения, «многократное повторение которых в разных комбинациях должно гипнотизировать аудиторию»; это, наконец, «потеря логической памяти и логическая бессовестность» (А.В. Рубцов).

2.1.2. Чем же отвечает (или должна ответить) на этот дискурс философия как критика идеологий?

По мнению докладчика, борьбой за дискурсивность речи и *императивом логической ответственности*.

Эта установка известна уже Сократу в его противостоянии софистам; известна схоластам, боготворившим аристотелевскую логику.

Новейшим и самым мощным ее выражением является *логико-лингвистический анализ*.

В советское время эта культура квалифицированной логической защиты сознания никогда не встречала одобрения. В условиях информационного противоборства ее освоение и как можно более

раннее внедрение в практику образования делается «условием сохранения разума», если вспомнить категориальный словарь Канта.

2.2. Другой важнейшей продукцией информационного противоборства являются воодушевляющие проекты (сплошь и рядом – логически притязательные). Их ценность определяется способностью индуцировать единомыслие, энтузиазм и готовность к лишениям и жертвам.

Воодушевляющие проекты достаточно точно отвечают понятию *миссии*, и дискурс соответствующей агитации и пропаганды может называться «миссионерским». На арене современной идейной борьбы доминируют концепции национальных миссий.

В России конца XX - начала XXI века воодушевляющие проекты выразительно представлены различными версиями *русской национальной идеи*. В 1997 г. ее порождение было стимулировано поощрением президента Ельцина.

Нельзя отрицать, что тексты русской идеи содержали много интересного и правильного, особенно, когда речь шла о трагичности переживаемой ситуации или о своеобразии и богатстве отечественного духовного наследия. И все-таки где-то в середине нулевых годов высокая экспертная комиссия вынуждена была признать, что проработка русской национальной идеи в прессе и в эпистолярной литературе не дала результатов, существенно значимых для определения политической и экономической стратегии, установления национального консенсуса и преподавания истории в школе.

Докладчик полагает, что известное выступление президента Путина, прозвучавшее 4 февраля 2016 г. в Клубе лидеров российского бизнеса, ставит точку на поощрительно-выжидательном отношении государства к открытию мобилизующей русской идеи.

Это вовсе не означает, однако, что посягательства на разработку и официальное обнародование российской миссии отныне прекратятся. Они непременно продолжатся и по духовному (философско-историческому) запросу интеллигенции, и потому, что востребованы превратной диалектикой информационного противоборства. Они появятся под новыми формулами и девизами (например, под девизом «русского мира»), будут приурочены к новым геополитическим раскладам и станут допингом для новых форм нетерпимости.

2.2.1. Чем же может ответить на подобные процессы философия как критика идеологий?

Декларации о миссиях – это особый жанр историософии, хотя, как правило, в вульгарном ее варианте. Это род спекуляций (в расхожем, критико-публицистическом значении данного выражения) и реликт романтического образа мысли, вышедшего далеко за предел XIX столетия, где ему полагалось бы оставаться. В XX веке всякая версия национальной миссии замыкается (и не может не замыкаться) на *историцистскую* трактовку общественной эволюции, то есть на понимание истории как времени поступательного прогресса по осмысленному плану. Поэтому общая ориентация критики современных воодушевляющих проектов не может не быть *антиисторицистской*.

Но за критикой историцизма, развернутой во второй половине XX века, стоит давняя и хорошо проработанная *скептическая культура*.

Важнейшая интенция скептицизма, известная со времени Секста Эмпирика, – это блокирование слабо обоснованных упований (благодушных ожиданий и надежд). В жизненной практике именно они прежде всего выбраковываются аргументированным сомнением.

Эта требовательная верификация ожиданий подымается на высокий уровень в скептицизме Нового времени (М.Монтень, П.Бейль, Вольтер, Д.Юм). Его финальным аккордом можно считать философию Канта.

Философы XX века (Л.Витгенштейн, К.Ясперс, К.Поппер) наследуют данной традиции: концепции «открытой истории» суть один из видов квалифицированной скептической философии.

2.2.2. Докладчик заключает, что философским ответом на нынешнюю экспансию амбициозных и сомнительных одушевляющих проектов должна стать *культура скептической верификации ожиданий и надежд, непременно акцентирующая открытость истории*.

Эта ответственная задача весьма трудна для России, где философский скептицизм издавна принимался с недоверием. Решая ее, мы можем, однако, вдохновляться тем, что первый скепτικο-стоический манифест открытой истории был предъявлен миру русским философом. Это А.И.Герцен в его гениальных очерках «С того берега».

3. В ходе информационного противоборства в конфликтующих идеологиях складываются сходные, однотипные представления об организации сознания людей – о *самой идеологии*. Представления эти можно было бы назвать «вульгарной социологией знания» (в том смысле, в каком Маркс говорил о «вульгарной экономической науке»). Суть их, вкратце говоря, сводится к следующему.

Истина и ложь – всегда относительны: то, что истинно в одном отношении, неистинно в другом. Об идейных воззрениях можно сказать лишь, что они «скорее истинны, чем ложны» (или наоборот, «скорее ложны, чем истинны»). Сами идеи правильнее всего трактовать психологически: как *отражение обстоятельств*, в которых живет отдельный человек или известное людское множество. Идейные заблуждения чем дальше, тем чаще оказываются результатом направленного воздействия информационных систем, и сознание, взятое в отношении к этим системам, правильнее всего трактовать просто как *tabula rasa*. Люди заблуждаются потому, что они умышленно дезинформированы, – их обманывает враг.

Можно сказать, что модель «встречи простака с обманщиком», которую ранее Просвещение ввело для объяснения заблуждения, никогда еще не имела такой власти над умами. Тут налицо и примитивный субъективизм в толковании идейных образований, и отказ от понятия самосознания, – полное отрицание автономии мышления, которое делает невозможным признание за человеком какой-либо вины (или хотя бы совинности) в отношении разделяемого им заблуждения и возможности *metanoia* (умоперемены).

В западноевропейской и американской социологии знания есть немало концепций, которые могут быть противопоставлены этому попустительскому и одновременно парализующему образу мысли (таков, например, неотрейдизм, поднявшийся до разработки *психоанализа идеологий*). Но нам, российским философам, не грех было бы вспомнить об оригинальных концепциях сознания и мышления, которые стремительно продумывались в нашем отечестве в 50-60 годах. По мнению докладчика, их можно назвать «московским подцензурным неомарксизмом».

Разъяснению этого феномена посвящена вторая часть доклада, построенная как рассказ о прожитой жизни, линия которой в 60-70-х годах прошла как раз по проблемному полю теории идеологий. Главное внимание докладчик уделяет двум выдающимся представителям тогдашнего умственного обновления – Э.В. Ильенкову и М.К. Мамардашвили, с которыми ему посчастливилось быть знакомым. Вопреки бытующему мнению он настаивает на глубоком родстве их концепций.

Ильенков и Мамардашвили едины в отстаивании по крайней мере следующих фундаментальных положений, акцентируемых в наследии Маркса:

(а) выражение «идеология» имеет в виду социально обусловленное иллюзорное сознание и в лексиконе философии и культуры может использоваться только как негативное понятие: идеология стоит под презумпцией критики и именно в качестве таковой должна изучаться социальной наукой;

(б) основные компоненты идеологий – это «объективно идеальные» образования, или «объективные мыслительные формы», которые не могут трактоваться психологически или социально-психологически;

(в) основные компоненты идеологий суть видимости, а не просто субъективные заблуждения, или иллюзии, как учила эпоха Просвещения;

(г) идеология строится на самообманах и чем дальше, тем больше превращается в эксплуатацию самообманов (дезинформация, сколь бы широко она ни практиковалась, – подчиненная компонента этой эксплуатационной практики).

Нетрудно увидеть, что эти положения как бы специально приурочены для полемики с расхожим восприятием идеологии, установившимся в контексте информационного противоборства.

В заключительной части доклада рассматриваются расхождения в концепциях Ильенкова и Мамардашвили, выявившиеся в конце 70-х годов, когда Мамардашвили (уже не марксист) начал продумывать свой оригинальный вариант экзистенциальной философии. По мнению докладчика, в его тогдашнем понимании идеологии реформаторское отношение к марксизму, заявленное Ильенковым, доводится до одной из предельных своих возможностей.

Концепции Ильенкова и Мамардашвили могут рассматриваться как единый незавершенный проект, завещанный нынешнему поколению российских философов.

Печатные работы докладчика, рекомендуемые участникам семинара.

- Экзистенциализм и научное познание. М.: Высшая школа. 1966. С.7-18, 52-72.
- Разложение традиционных форм производства и соответствующей им структуры сознания // М.К.Мамардашвили, Э.Ю.Соловьев, В.С.Швырев. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии. /Философия в современном мире. М.: Наука, 1972. С.55-77.
- Предисловие к книге «Массовая культура: иллюзии и действительность». Составитель Э.Ю.Соловьев. М.: Искусство, 1975. С.3-27.
- Философский журнализм шестидесятых: завоевания, обольщения, недоделанные дела. «Вопросы философии», 1997, №7.
- Экзистенциальная сотериология Мераба Мамардашвили // Историко-философский ежегодник, 1998. М.: Наука, 2000. С.387-407.
- Критический очерк историцизма // Э.Ю.Соловьев. Категорический императив нравственности и права. М.: Прогресс – Традиция, 2005. С.298-346.
- Институт философии всегда был институтом гражданского общества // Наш философский дом. М.: Прогресс – Традиция, 2009. С.454-466.
- История философии в регистре публицистики // История философии в формате статьи. Под ред. Ю.В.Синеокой. М.: Культурная революция, 2016. С.77-109